— Ты уже взрослый, Анастасий, — мягко произнесла его прабабушка, — Он тебе больше не нужен. Твой брат давно покинул этот мир, как и друзья твоего отца. Тысяча лет, дитя, — долгий срок, даже для таких бессмертных, как мы. Если бы не я, твой прадед, возможно, уже отдал бы себя вечному огню. Если бы не он, я бы уже давно сошла с ума. Даже сейчас я чувствую, как мой разум угасает. Однажды я не смогу больше сопротивляться и забуду, что когда-то была разумным существом. Умереть было бы лучше, чем превратиться в существо, которое больше не помнит своей жизни и близких. —— Но Падре… —— Что бы ни случилось, его воля к жизни сломалась. Сейчас он угасает, — сказал его прадед. Анастасий подавился слезами. — Угасает?— Пока еще не угас, — ответил прадед, — Но он уже давно вне пределов нашей досягаемости. Прости меня, дитя, но здесь нет никого, кто мог бы его вернуть. Единственный, кто может остановить его угасание, — это он сам. Мы — часть бессмертного Фирболга. Часть нашего проклятия в том, что мы никогда не сможем попросить его решить по-другому.— Я не такой, — сказал Анастасий, снова пытаясь вырваться из хватки прадеда, — Мой народ умирает примерно через восемьсот лет. Мы не являемся частью вас, — значит, я могу просить!— Ты пил его кровь большую часть своего детства, дитя, — сказала его прабабушка, — Возможно, ты изначально не являешься частью нас, бессмертных, но есть причина, по которой вампир обычно не может потреблять кровь другого Фирболга, и почему молодой вампир все же это делает. Дети-вампиры не могут расти без модели, которую дает им потребляемая кровь. Возможно, ты не один из нас, но твое тело создано по образу тела твоего отца, а у него естественная продолжительность жизни около двух тысяч лет. Так что ты, в некотором смысле, все еще принадлежишь нам, — и это лишает тебя права на возражения.— Я не бессмертен! Я… —— Твой отец тоже не бессмертен, — прошептал его прадед, — Но это все равно не меняет того факта, что мы не можем заставить его остаться в живых. Это его решение, и только его. Он решил угаснуть. Позволить ему уйти. Заставлять его жить дальше, такого сломленного, как он есть, было бы гораздо более жестоко.И на этот раз Анастасий не смог возразить. Он знал, что через некоторое время Фирболг становится непоколебимым. Если Фирболг психически сломался, его уже почти невозможно исправить. Анастасий очень любил своего отца, и он не хотел, чтобы его отец страдал вечно. Поэтому в конце концов он просто сломался и заплакал.Где-то в другом месте Британии другой человек поднял голову, когда почва Великобритании содрогнулась под болью ее магического правителя. Этот человек был очень стар. Его волосы поседели, а глаза потемнели под тяжестью почти семисот лет, проведенных на земле, и все же у него еще был шанс прожить еще две-три сотни лет.— Пора, — прошептал голос в его голове, — голос, который он слышал со дня смерти своего отца. — У тебя есть мое разрешение вновь представить себя.И снова почва содрогнулась от боли своего магического правителя. Старик закрыл глаза, когда на него обрушилась агония существа, которого он не видел с тех пор, как сам был молодым человеком. Он знал, что ему следует делать, что он должен сделать. Он знал о страданиях другого и о боли, которую тот терпел задолго до его рождения, и он знал, что было бы милосердием позволить другому умереть, и все же…— Твое время еще не пришло, Салазар, — прошептал он, его собственные усталые глаза ясно видели будущее в первый и, возможно, последний раз в жизни. — Еще не пришло твое время…Это был чистокровный, мрачный, в его крови, сказал ему. Мрачный был слугой Смерти. Она всегда знала, пришло ли время умереть тому, кого старик встретил или с кем был связан семейными или дружескими узами.— Пока нет, и еще очень долго не будет. — Старик встал. — Дедушка? — спросил маленький мальчик, испуганно глядя на него. Мальчик играл с плащом своего отца, а старик смотрел на него, улыбаясь, пока мир не сдвинулся с места. — Твой дедушка должен отлучиться на некоторое время, Джеймс, — сказал старик. — Будь хорошим мальчиком и скажи своему отцу, что я ушел, хорошо?— Да, дедушка, — ответил мальчик. Конечно, он не был настоящим дедушкой ребенка. Скорее, он был его пра-пра-пра-дедушкой. Где-то по дороге он остановился, чтобы посчитать, и просто настоял на том, чтобы его называли "дедушкой". Так было проще, особенно если учесть, что продолжительность жизни его детей и детей детей детей сократилась до того, что они едва доживали до ста пятидесяти лет. Но таково было

проклятие чистокровных уроженцев, вроде него. Они могли жить не так долго, как их собственные родители, но продолжительность их жизни была намного больше, чем у среднестатистического смешаннорожденного или мирского. Даже его сын, сам чистокровный, умер около двухсот лет назад, и его семья уже давно забыла, сколько лет ему самому. Это было и свободой, и проклятием одновременно.— Не жди меня, Джеймс, — сказал старик, взъерошил волосы мальчика и вышел из дома. Он посмотрел в небо, потом закрыл глаза и потянулся за наследством, доставшимся ему от родителей. Громовержец в его крови заплакал. Мрачный завыл. Он взял их силу и переделал ее под свои нужды, и, как мрачное предзнаменование смерти, которым оно и было, его тело растворилось в молекулах. Ветер, вызванный громовержцем, подхватил их и улетел вместе с ними, чтобы выплюнуть в снежную бурю посреди леса во Франции. Место, куда он приземлился, пылало от ненависти к себе и леденело от ненависти. Белое пламя пожирало не только сами деревья, но и того, кто призывал их в свою агонию.— Еще не пришло твое время, Сальвазсахар, — сказал мужчина, и зеленые глаза встретились с его глазами. Их взгляды встретились. Теплые карие глаза встретились с отчаянным убийственно-зеленым. — Певерелл? — В голосе собеседника была лишь шепотная мольба о знакомстве. Старик устало улыбнулся. — Давно не виделись, Салазар, — тихо сказал он и шагнул в пламя. Пламя отступило от него, не желая причинять ему вреда, поскольку их хозяин не желал в ближайшее время уничтожать еще одного из своих близких.— Как? — прошептал Сальвазсахар. — Ты должен быть мертв!— Еще нет, — пренебрежительно ответил старик. — Если бы Р'эна не заболела, она тоже была бы жива. В конце концов, мы чистокровные, — или Фирболги, как вы это называете.Ответом ему была дрожь.— Если ты все еще жив, тогда почему…— Почему я никогда не связывался с тобой? — закончил старик, прежде чем ответить и на этот вопрос.— Потому что я был глупцом и думал, что тебе будет еще больнее, если ты будешь наблюдать, как я дряхлею и угасаю, в то время как ты остался таким же молодым, как и прежде. — Ложь, но именно эти слова шепнул ему ветер. Ответом ему стал изумленный смех, сухой и жгучий, словно огонь. — А я-то думал, что хотя бы скрою от тебя этот факт, — проговорил Сальвазсахар, и слезы хлынули из его глаз. Они горели белым пламенем, и их пепел чернил его щеки. В этот момент к нему подошел старик — Певерелл, муж Хельги, — и опустился перед ним на колени. — Прости меня за это, Салазар, — устало произнес он. — Я не должен был оставлять тебя одного в твоих мучениях.

http://tl.rulate.ru/book/93005/3093482